

Б. М. Бим-Бад

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ГЕНЕЗИС ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ПРАКТИК

УДК 37.013.83
ББК 74.03

В статье раскрывается значение этнокультурного генезиса воспитательных практик на разных этапах развития человеческого общества. Дается характеристика педагогических инициаций в истории человеческой культуры.

Ключевые слова: этнокультурный генезис; воспитание; социализация; воспитательная практика; инициализация; наказание.

B. M. Bim-Bad

ETHNOCULTURAL GENESIS OF PEDAGOGICAL PRACTICES

The article discovers the meaning of ethnocultural genesis of pedagogical practices at different stages of human society's development. Characterized are pedagogical initiations in the history of human culture.

Key words: ethnocultural genesis; education; socialization; educational practice; initialization; punishment.

Каждый этнос, любой народ к своей сегодняшней действительности пришел из глубокой древности и принес из нее некоторые, пусть и многократно преобразованные, сущностные черты и особенности, которые он выработал на заре своего исторического пути. При всем разнообразии культурно-исторических объединений людей есть и общие для всех и каж-

дого из них явления в общественной, экономической, культурной жизни. Воспитательные и образовательные практики не составляют исключения в указанном отношении. В фундаменте их структуры и содержания лежат существенно однотипные признаки, несущие на себе отпечаток их происхождения, генезиса составляющих их явлений и процессов.

Воспитательная нацеленность социализации в рамках этнокультурных процессов, восходящих к доисторическим временам первобытно-общинного строя и составляющих ядро традиционной народной педагогики, хорошо изучена (Г. Н. Волков, Г. Б. Корнетов, Ф. Хофман и др.). Но в недрах протописьменной эпохи у всех этносов нарождается, наряду со специальным техническим образованием (в рамках ученичества), и прототип формальной общеобразовательной школы для всех членов общества. Ее цели, содержание, организационные формы и методы имели долгую историческую судьбу и в главных способах проявления своей сущности сохранились до сего дня. В ходе исторического развития этносов и человеческого общежития в целом произошла дихотомия педагогического компонента инициаций, характеристике которых посвящена настоящая статья.

1. Обучающий компонент в структуре и содержании инициаций. В 1909 французский этнограф и фольклорист *Арнольд ван Геннеп* (1873–1957) опубликовал книгу «Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов» — о переходе от одной социальной роли к другой. Ван Геннеп показал, что обряды всех без исключения этносов состоят из трех различимых последовательных этапов: «отделение, переход, включение» (*séparation, marge, agrégation*) или допороговый, пороговый, послепопороговый (долиминальный, лиминальный, постлиминальный) этапы.

Индивид (или группа) иницируемых на первом этапе отлучаются от их старого статуса, потом адаптируются к новому на протяжении некоторого периода времени, наконец, вновь включаются в общество в новом социальном статусе. Ван Геннеп видел социальную и культурную значимость ритуалов перехода, хотя они и соотносятся с возрастными циклами в жизни человека. Так, большая часть обрядов, о которых говорят, что они делают юношу мужчиной, девушку — женщиной (или способны это сделать) является обрядами отделения от бесполого мира, за которыми следуют обряды включения в мир, разделенный по признаку пола. Индивид входит в конкретное сообщество людей своего пола, участвуя одновременно во всех других объединениях общего или специального характера.

Смысл актов этого обряда заключается в том, чтобы вызвать резкое изменение в жизни новичка; прошлое должно быть отделено от него рубежом, который он никогда не сможет переступить. Узы его родства с матерью резко обрываются, и, начиная с этого времени, он уже причисляется к мужчинам. Он должен оставить все игры и спортивные занятия детства с того самого момента, когда прерываются прежние домашние связи между ним и матерью или его сестрами. Теперь он становится мужчиной, осведомленным, осознающим обязанности, возлагаемые на него как на члена сообщества.

Затем наступает позитивная часть: обучение своду обычного права, пос-

тепленное приобщение к знаниям путем выполнения перед ним тотемических церемоний, рассказывания мифов и т. д.

Финальным актом является религиозная церемония и главным образом особое членовредительство, различное у разных племен (вырывают зуб, надрезают пенис, наносят шрамы и т. д.).

После прохождения этих обрядов посвящаемый навсегда идентичен взрослым членам клана.

То же мы наблюдаем и у славян (В. Г. Балушок). Сначала происходит отделение. В рамках традиционной половозрастной градации украинцев, а также западных славян выделение мальчиков в особую подростковую группу начиналось с 6—8 лет. Постепенно взрослые мальчики составляли тесно сплоченную группу, в которой пребывали до 14—16 летнего возраста.

Далее, пройдя обряды посвящения, они становились членами объединения взрослых юношей. Особенно четко оформленными такие группы подростков были на украинском Полесье, где исследователи отмечают их большое сходство с подростковыми группами архаических обществ.

Большую роль в сплочении подростковой группы играли *насмешки* со стороны девушек и взрослых парней. Последние часто не ограничивались только словами, но и переходили «к делу»: могли забросить шапку подростка на крышу, снять с него штаны, подвесить вниз головой и т. д. Стремление противостоять этим дей-

ствиям и стать в итоге членами взрослой молодежной компании спланивало подростков в единую группу.

Лагерь *инициации*, как определил на материале сказок В. Я. Пропп, находился в лесу. Женские инициации древние славяне, как показала Р. Бекер, тоже проводили в лесу. Проведение инициации в лесу подтверждается и данными родственных славянам индоарийской, германской и других традиций. Лес же, согласно верованиям славян, традиционно приравнивался к потустороннему миру и противопоставлялся как территория «чужая» и «неосвоенная» «своему», «освоенному» дому. В лесном лагере иницилируемые переживали ритуальную смерть. Это главная черта лиминальной фазы инициации. Причем имела место не только ритуальная смерть, но и «проглатывание» иницилируемых мифическим чудовищем. Символическое пожирание чудовищем с последующим их «отрыгиванием» — часть обрядов посвящения юношей у многих народов первобытного общества. То же самое было характерно и для европейских народов в архаическую эпоху, в частности, в Дунайском регионе.

Именно пребывание во чреве чудовища давало иницилируемым магические знания и власть над окружающим миром, приобретение которых является одним из главных моментов инициации. Материал сказок свидетельствует о «пожирании» чудовищем посвящаемых юношей и у наших предков в древности. В большинстве случаев в сказке героя

проглатывает Змей, иногда он заменен чудовищным волком (Железный Волк и т. д.). Есть сказки, в которых рассказывается и о том, как герой, будучи проглоченным и отрыгнутым Змеем, получает необходимые знания и материальные блага. Можно думать, что в действительности иницианта бросали в пасть чучела Змея-Велеса — покровителя инициации и хозяина тайных знаний, как это засвидетельствовано у народов первобытного общества в историческую эпоху.

Одним из важнейших моментов древнеславянской юношеской инициации было ритуальное перерождение посвящаемых в волков. Вместе с тем, у некоторых славянских племен или общин, очевидно, параллельно бытовало и ритуальное перерождение в медведей, хотя оно и было менее распространено. Ритуал «превращения» человека в зверя включал надевание звериной шкуры, особые танцы экстатического типа, а также употребление галлюциногена, создававшего у иницируемых эффект такого перерождения. Использование галлюциногенов во время юношеских инициаций, возможно, подтверждается применением алкоголя в инициациях исторического времени. В частности, алкоголь применяли запорожские казаки при своих посвящениях, а также поляки, у которых иницианта спаивали до потери сознания. Пройдя обряды превращения в волков, псов или медведей, юноши становились членами «звериных» союзов.

Главными занятиями членов «волчьих» и «медвежьих» союзов были

разбои и война с врагами своего племени, а также охота. Водил молодых воинов — «зверей» в бой *вождь* — «кудесник». Указанными способностями владеет в одной из древнерусских летописей и в «Слове о полку Игореве» князь Всеслав Полоцкий.

2. Школа. Социализация, инкультурация и образование все вместе вводят нового жильца в культуру его общества, точнее — в некоторые фрагменты этой культуры, они стремятся сформировать поведение в целях участия в обществе взрослых людей, направить их к иногда случайной, а чаще — предопределенной роли в обществе, положению и функциям.

Цель — та же, что и сейчас: вести детей по пути к полноценному членству в племени или орды.

Ярко выражен акцент на тренировку в принадлежности к их группе, особенно во время ритуалов возрастного перехода от детства к взрослости. Для сравнения: до инициации дети вовлекаются в реальные процессы взрослой жизни. Маргарет Мид назвала психологическую подложку этого участия детей во взрослой жизни эмпатией, идентификацией и подражанием. Они учатся деланием и наблюдением. Их учат знакомые им люди из их собственного племени.

Приближающиеся к половой зрелости подростки удалялись из семей в специальные лагеря и довольно долгое время систематически готовились к испытаниям. Подростков отрывали от семьи и подчиняли новым для них людям, чтобы преодолеть узкое кров-

нородственное сознание и глубже укоренить в них преданность племени как предельно широкой для них общности.

Учебный курс включал в себя полный набор культурных ценностей: племенные верования, мифы, философия, история, ритуалы, другие теоретические материи. Инициация как школа, в которой идеи представляли собой самое ценное в содержании образования. Позже внедрение этих ценностей стало делом церквей.

Преподавателями выступали опытные взрослые люди, обычно ранее не известные учащимся, хотя и являющиеся их родственниками в других кланах. Их обучали культурным ценностям данной общности, племенным верованиям, мифам. Они изучали общественное устройство и историю, ритуалы и право. Экзамены по всей этой премудрости входили в посвятительные обряды перевода юношей и девушек во «взрослость» (так называемые инициации). Без овладения знаниями полноправное племенное членство было непозволительным.

Это не что иное, как строго стандартизированная и регулируемая правилами социальная акция. Она нацелена на ускоренное и эффективное включение подрастающего поколения в полезную для сообщества деятельность. Именно таким и осталось значение школы.

Экзамены сохранились до сего дня как испытания перехода в новое состояние.

Ритуалы и обряды оберегают человека и общество от дезинтеграции,

в особенности когда в них происходят глубокие внутренние и всеобъемлющие изменения.

Итак, истоки сегодняшней массовой школы мы обнаруживаем в ритуалах, церемониях, обрядах первобытной инициации детей и молодежи в половозрастные группы полноценных членов общины. В первобытно-родовых культурах еще в доисторические времена, как свидетельствуют археология и этнография, возникло строгое образование. Его очень трудно не признать настоящим школьным образованием.

3. Культурно отсталые слои этносов. Насилие. В наше время налицо дихотомия инициационных смыслов. В культурно продвинутых слоях современных этносов сохранилась в снятой форме духовная составляющая древнейших инициаций. В культурно отсталых, атавистических слоях по сей день живет и практикуется физическая компонента инициаций — насилие, жестокость, маскулинная и сексуальная вообще нацеленность.

Так, силовые субкультуры включают насилие в систему своих культурных кодов (Т. Б. Шепанская). Примером таких субкультур могут послужить криминально-тюремная традиция, армейская дедовщина, некоторые направления молодежной субкультуры (скинхэды, националисты, футбольные фанаты, отчасти анархисты и др.).

В рамках этих субкультур насилие становится символом *принадлежности, опознавательным знаком «своих» и способом маркирования «чужих».*

Что заставляет молодых солдат подчиняться старослужащим («дедам»), даже если те значительно уступают им в силе и численности? Почему они позволяют наносить себе нередко весьма болезненные удары во время армейских ритуалов «перевода» или просто «развлечений» «дедушек»? «Ну там все это делается в виде шуток, — пытается объяснить мне один из прошедших эти испытания. — Если ты будешь сопротивляться, конечно, ты... Ну и все, и больше с ним просто общаться не будут и все... Ну, в общем... это не свой... Либо его потом как-нибудь подставят, либо случайно пристрелят, либо еще что... может, и не пристрелят, потому что придется отвечать, но просто не посвятят ни в какие свои дела и все» (А. К., 1956 г. р., служил в 1979–1981 гг. в береговой охране ТОФ).

В культуре «дедовщины» среди солдат срочной службы *соучастие* в насилии — один из главных цементирующих факторов. Все эти примеры иллюстрируют роль силовых практик как символов принадлежности к сообществу, опознавательных знаков, позволяющих идентифицировать «своих». Более того, через соучастие в насилии (или его символизацию: агрессивные татуировки, приветствия, рассказы) прежде чужие, незнакомые люди становятся своими. Это означает, что насилие включается в ткань внутригрупповых взаимодействий, в систему культурных кодов, т. е. действует и воспринимается как знак.

Любопытна аналогия издевательств в современной армии и тюрьме

с традиционными забавами деревенской молодежи на Святки. Характерно, что в святочных играх, как и в тюремных или армейских развлечениях, вынужденная поза жертвы часто символизировала животное — среди названий игр «доевание коровушки (или козы)», «иманье лисицы», «петух» и проч. Эти игры — формы розыгрышей, насмешек старших над младшими участниками вечорок, своеобразная форма посвящения и испытания подростков перед тем как принять их в компанию взрослой молодежи.

Ритуалы перевода. Битье по ягодицам имеет место в современных армейских ритуалах «перевода» (повышения статуса солдата по мере истечения срока службы). После того, как солдат отслужил 1 год, его переводят в статус «слона» (Лен. обл., сухопутные войска), «фазана» (железнодорожные войска) или «полушубка» (ТОФ). Ритуал называется «ставить баночки»: посвящаемого бьют несколько раз по ягодицам солдатским ремнем, табуреткой или дверкой от тумбочки; впрочем, иногда «баночки» ставят просто ладонью по животу.

Инициация brutality и жестокости. Член НБП объясняет, что статус человека в партии и отношение к нему партийных товарищей определяется его участием в акциях, которые должны быть «опасными» и обычно выглядят как более или менее символическая агрессия: «Чем опаснее была акция, тем больше степень уважения и доверия (одно дело закидать... баночками с краской, другое —

бутылками с зажигательной смесью)». Готовность «в любой момент кого-то заколбасить», готовность и демонстративное равнодушие к смерти культивируется в криминальной и армейской среде.

Дидактическая функция причинения страданий. Традиция вполне четко фиксирует функцию физического насилия как средства добиться понимания там, где оно затруднено. Фраза «Не понял!» в мужском дискурсе имеет угрожающую интонацию и смысл прелюдии к переходу к силовым методам диалога. В пословицах насилие интерпретируется как средство познания, объяснения, научения, что служит одной из характерных его мотивировок: «Палка нема, а даст ума»; «За дело побить — уму-разуму учить»; «Это не бьют, а ума дают»; «Бьют не ради мученья, а ради ученья (или: спасенья)»; «Тукманку дать — ума придать» и т. д. Очень похожее объяснение насилия зафиксировано и в тюремной культуре. Л. Самойлов описывает практику профилактических избиений в колонии, где он отбывал наказание в конце 1980-х гг. Ежемесячно (а то и чаще) бойцы из окружения наиболее авторитетных воров поднимали ночью остальных обитателей барака (в колонии) и прогоняли их в двери, где двое бойцов били их ножками от табуретки (или просто кулаками); объяснение — «для порядка, чтобы знали, кто мы, а кто они». Причинение боли в разных субкультурах практикуется в однотипных ситуациях: приема в сообщество

(обряды посвящения, испытания), нарушения норм (наказание, испытание, разборка, пытка) и исключения из сообщества.

Во всех этих случаях силовое воздействие определяется в терминах познания. Наказание этимологически увязывается со словом «наказ» (наставление). Телесное воздействие используется для передачи и «объяснения» групповых норм: в обрядах посвящения — неофиту, в ситуации наказания — нарушителю. Та же мотивировка насилия как средства объяснения групповых ценностей и норм фигурирует и в дискурсе молодежного протеста. Стычка на Первомайской демонстрации между молодым радикалом и профсоюзным деятелем в анархо-прессе описывалась так: профсоюзный деятель «не понял», и ему пришлось объяснить. Процесс «объяснения» выглядел как избиение непонятливого деятеля ногами на мостовой. Это же познавательно-объяснительное значение насилия отложилось и в лексике: знание можно вдолбить, вбить в голову и, соответственно, понять на собственной шкуре («на собственном опыте»).

Как правило, подобные фразеологизмы относятся к познанию групповой нормы, а потому связаны с ситуациями посвящения (приобщения к норме) или наказания (возвращения к норме). Дать в лоб, чтобы дать ума. Ложкой по лбу отцы били детей за нарушение застольного этикета. Матери в воспитательных целях таскали детей за волосы или несильно били по лбу;

правда, традиция пыталась ограничить последний способ «поучения» поверьем, что каждый раз, когда мать ударит ребенка по голове, он становится «на мачинку» (маковое зернышко) ниже — поэтому упрямые будто бы малорослы. В результате битья у избиваемого случается «просветление»: из глаз сыплются искры, звезды, а под глазами разгораются фонари. После удара в голову ее обладатель «умнеет» (социализируется), прекращая буйство и расширяя свое социальное окружение.

Телесный низ акцентируется и в наказаниях детей шлепками по ягодицам или розгами, традиционно считавшееся оптимальным средством наставления молодого поколения. Тот же смысл имели в России и телесные наказания кнутом представителей низших сословий и воинских чинов: крестьян, солдат, цель которых — «Подать ума в задние ворота». «Дать бы тебе ума с заднего двора», — гласили пословицы. — «Кнут не мука, а вперед наука». «Кнут не мучит, а добру учит».

Посвятительный смысл причинения боли. Жертва в этой игре пассивна, ее движения скованы физически (жертва связана, лежит, падает, а то и спит), она фактически лишена статуса участника игры, почему, вероятно, и обозначается не как человек, а как животное или неодушевленный предмет. В то же время согласие даже на эту роль дает возможность, выдержав испытание, *приобрести знание* (больше не поддаваться на розыгрыши), необходимое для вхождения в

сообщество. Не случайно подобные формы издевательств *обычно имеют посвятительный смысл.*

Татуировка. Нанесение ее также связано с моментом *посвящения* в сообщество и осознанием своей идентичности. Социолог А. Топорова стала свидетелем нанесения татуировки молодой девушке — члену Ленинградского отделения НБП. Отметим несколько моментов этого эпизода. Первый: интерпретацию нанесения татуировки как знака принадлежности к партии, и более того — безвозвратной отдачи ей прав, в том числе на свое тело. С этим основным значением (самоидентификации) связан и второй момент: девушку спаивают, так что она утрачивает власть над своим телом: «выпила и свалилась», — превращаясь в пассивный объект воздействия со стороны группы (данные Т. Б. Щепанской).

Третий момент тоже связан с принятием власти: необходимость скрывать боль, т. е. демонстрировать готовность тела принять даже боль (а в идеале и смерть), если это требуется партии. Болезненность процесса татуировки характерна для сообществ, культивирующих или, во всяком случае, использующих насилие. У хиппи и других представителей молодежной культуры, где также популярна татуировка, ее наносят обычно нетравматичными способами и с использованием анестезии. Значение татуировки как символа *идентификации* с сообществом просматривается и в семантике наносимых изображений. Чаще

всего это групповой символ: у нацболов — «лимонка», в армии — символы родов войск (у артиллеристов перекрещенные пушечные стволы, у летчиков — самолетик и т. д.). В местах заключения их относительно постоянные обитатели — воры — татуируют себе изображения котов (КОТ — «Коренной Обитатель Тюрьмы»), ангелочков в кандалах и Мадонну с младенцем (означает: «Дитя тюрьмы», «Родился в тюрьме»), а также надпись «Не забуду мать родную», причем «мать», как объясняют воры, — это тоже тюрьма. Посредством татуировки сообщество маркирует тела своих членов, и, в частности, те их части, на использование которых (и контроль их функций) оно в первую очередь заявляет свои права.

«Оформление» тела нанесенными на него знаками (татуировка, пирсинг, скарификация, раскраска) можно рассматривать как вариант социокультурного формирования тела.

Символические формы *игры*, *магии* или *вербальной агрессии* — явления перехода насилия из физической в воображаемую, символическую форму. Д. С. Лихачев упоминает, что между заключенными на Соловках, где он по политической статье отбывал заключение в конце 1920-х гг., происходили карточные сражения и даже дуэли. Карточная игра заменяла насилие как средство распределения ресурсов: более опытные профессиональные воры и шулера выигрывали у неопытной шпаны наверняка: они, как пишет Д. С. Лихачев, не «играли», а

«исполняли». Партнер мог спросить после проигрыша, как его обыграли, и таким образом постепенно приобщался к секретам игры. Если партнер заметил шулерский прием, он мог остановить игру фразой: «Ваш номер старый». Таким образом, ресурсы перераспределялись в пользу опытных воров и шулеров, в зависимости от их владения секретами своего дела. Часть выигрыша отчислялась в общие фонды (на помощь больным, а также «корешкам», т. е. членам преступного сообщества из близкого окружения профессионалов). Д. С. Лихачев считает, что именно картежные шулера, наряду с карманниками, с их системой обучения и перераспределения, составили первоначальную основу тюремной иерархии. Действительно, именно они могли предложить стройную систему правил, которые могли заменить физическое насилие, *хотя и подкреплялись им*.

Если не срабатывают иные культурные коды, то люди возвращаются к первичному и безотказному способу телесной коммуникации, т. е. физическому насилию.

Инициация в собственном смысле стала атавизмом, но именно как таковая она типична для примитивных сообществ, в частности, криминальных, тюремных и т. п.

4. Психотерапия подростков. Современным подросткам присущи архетипические темы, ситуации, потребности и психологические состояния. Они спонтанно проявляются в подростковый период в той или иной

форме. Это такие темы, как побег/ уход из дома, самостоятельность, риск, независимость, стремление к проверке/испытанию себя, утверждение себя в новом качестве, утверждение себя в группе себе подобных, разрушение родительских стереотипов и привязанностей к родителям, встреча с хаосом и стремление пройти через него, сексуальность, поиск примера, подражание герою, подвиги и т. д.

Эти темы проявляются в жизни современных подростков. Это и подростковые группировки с их жестокими правилами и ритуалами, татуировки и испытания себя на боль, поклонение кумирам эстрады и спорта, «геройство», «подвиги», бунт против родительских авторитетов, интерес к темам смерти и хаоса (специфические стили рок-музыки, кино) и пр. Все это можно рассматривать как суррогаты инициации или псевдоинициацию. Нашей культуре, не имеющей осмысленных ритуалов инициации, не хватает психо-социально-духовных средств для поддержки индивида, проходящего процесс личностного изменения.

Использование этиологических механизмов инициации в психотерапии подростков предложил Ю. С. Шевченко, психотерапевт и психиатр, автор онтогенетически ориентированной психотерапии. Онтогенетическая ориентация детско-подростковой психотерапии, отличительной особенностью которой является трехмерность пространственно-временных координат лечебно-коррекционного воздействия («здесь

и теперь», «тогда и там», «вскоре и вблизи»), предполагает построение идеальной модели ожидаемого психического статуса пациента к моменту окончания терапевтического эксперимента в его «зоне ближайшего развития» (по Л. С. Выготскому). Это возлагает особые задачи на социально-педагогический аспект работы, практически неразделимый с лечебно-коррекционным аспектом детско-подростковой психотерапии, делая, казалось бы, чисто воспитательные мероприятия неотъемлемым условием успешности терапевтического процесса.

Автор психотерапии подростков исходит из факта, что важнейшим элементом воспитания, начиная с первобытного общества, являлись инициации, ориентированные на возраст церемонии посвящения человека в новый социальный статус (имеющие, кстати, свои филогенетические прообразы в социальном поведении высших животных). Заключительному ритуальному обряду предшествовала более или менее длительная подготовка к переходу от невежества к знанию, от безответственности к долгу, от безмятежного детства к дисциплинированной зрелости.

Более сложными и продолжительными были инициации мальчиков. Они включали несколько важных моментов: мальчиков изолировали от прежнего социального окружения, помещая в исключительно мужское общество, где они приучались к беспрекословной дисциплине, к безусловному выполнению всех правил поведения

взрослого члена общины; знакомили с религиозными представлениями и сакральными таинствами; рассказывали им мифы и предания, обучали ритуальным действиям; учили изготавливать орудия охоты и рыбной ловли, знакомили с особенностями поведения животных, формировали охотничьи и воинские навыки и умения; приучали переносить трудности и лишения, развивали у мальчиков выносливость, волю, смелость.

Только после прохождения цикла специальной подготовки дети допускались к участию в церемониях посвящения, во время которых испытывалась (порой довольно жестоко и болезненно) их воля, смелость, стойкость, выносливость, проверялось качество усвоенного опыта. Ритуальные церемонии сопровождались песнями, танцами, проходили при свете костров, в присутствии всех членов племени. Все это придавало особую торжественность событию, призванному максимально эффективно воздействовать на психику и поведение посвящаемых, укрепить в их сознании представление о качественном изменении их общественного статуса, подчеркнуть особое значение перехода из одной возрастной группы общины в другую, вдохновить на овладение новой социальной ролью.

По мере постепенного продления возраста детства в последующие исторические эпохи онтогенетический период превращения ребенка во взрослого включал все большее количество циклов инициации. Последние меня-

лись также по своим формам в соответствии с расширением их социально-психологического смысла и классовой ориентации (посвящение в рыцари в средневековье, конфирмация, первое причастие, присяга, посвящение в сан, свадьба, коронация, соборование и проч.), распространяясь практически на всю жизнь человека.

В современной России обряды инициации, существовавшие в советское время в институтах «октябрят», «пионеров», «комсомольцев», военно-спортивных организаций (аналогов движения бой-скаутов за рубежом), студенческих строительных отрядов, с испытательным сроком, ритуальной процедурой приема в члены союза или партии, посвящения в студенты или рабочие и т. п., частично выродились, частично насильственно отменены и не заменены никакими общественно организованными формами посвящения ребенка в соответствующий каждому этапу его психофизиологического взросления новый социально-психологический статус. Онтогенетически ориентированная психотерапия рассматривает весь период лечебно-коррекционного процесса как ограниченный во времени и насыщенный событиями и информацией период жизни пациента-клиента, проживание которого должно заканчиваться объективным и субъективным переходом его в новый психофизиологический и социально-психологический статус.

Разработанная на данном принципе методика семейно-групповой интен-

сивно-экспрессивной психотерапии, представляющая собой девятидневный многочасовой цикл эмоционально насыщенного общения, организуется в соответствии с традиционными этолого-культуральными обрядами инициации. При этом социально позитивная направленность данной терапевтической модели служит естественной альтернативой деструктивным формам удовлетворения эволюционно-биологической потребности в инициации. Терапевтическая программа, построенная по типу естественного эксперимента, воссоздает в трансформированном и рафинированном виде ключевые моменты подготовки и осуществления обряда посвящения в новый социально-психологический статус (в нашем случае — в статус здорового, полноценного, жизнестойкого и повзрослевшего члена общества). Для этого иницируемый должен пройти ряд чувственных агрессивно-героических испытаний (смену стереотипов, парциальную изоляцию, систему табу, тотемическую имитацию, символическую смерть всего плохого и болезненно-детского, второе рождение в зрелом, здоровом и умудренном качестве, слияние с возвышенным идеальным (сакральным) образом, открывающим перспективы дальнейшего духовного роста, публичную демонстрацию своих новых возможностей). Важным компонентом этого процесса являет-

ся преодоление собственных слабостей, деструктивных стереотипов и болезненных симптомов в результате ежедневного совершения *подвигов*, которые подразделяются на «громкие» и «тихие», «общие» и «личные» и рассчитаны на повторяющиеся переживания победы в моделируемых ситуациях, вызывающих физический или социальный страх.

Успешность решения этой задачи обеспечивается как индивидуальным дозированием предлагаемых испытаний, так и вдохновляюще-воодушевляющим поведением терапевтов, родителей и всей группы. Многократное ежедневное ощущение «вкуса победы», возникающего всякий раз после совершения очередного подвига, способствует генерализации уверенного и мужественного поведения «героя-победителя», перенесению его на реальные жизненные ситуации.

На заключительном эмоционально-стрессовом сеансе каждый пациент (а при необходимости и его родители) совершает специально подобранный, требующий максимального психического напряжения «громкий личный подвиг», демонстрирующий победу над своими личными проблемами, выздоровление, обретение «запаса прочности» и достижение социально-психологической «зоны ближайшего развития».